

УДК 008

DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-1-4

Червяков В. В.

Ткачество как технология культуры: историко-культурная
генеалогия текстиля

Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, ул. Ленина, д. 42, г. Липецк, 398020, Россия;
chervyakov.vyacheslav@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена философско-культурологическому осмыслению ткачества как одной из базовых технологий культуры. Актуальность исследования связана с необходимостью пересмотра традиционного взгляда на ткачество как на преимущественно ремесленную и утилитарную практику. В работе показано, что текстильные практики играли значительно более широкую роль: они участвовали в формировании телесности, повседневности, ритуальных границ, социальных различий и символических порядков. Цель статьи заключается в реконструкции историко-культурной генеалогии текстиля и выявлении ее значения как структурообразующего медиума культуры. Методологическую основу составляют историко-культурный, сравнительно-исторический и генеалогический подходы, дополненные философско-культурологической интерпретацией археологических, антропологических и исторических материалов. Обосновывается, что истоки ткачества следует искать в более широком комплексе практик переплетения, плетения, скручивания и связывания, предшествующих развитому ткацкому производству. Показано, что в древних и средневековых обществах ткань выступала медиумом власти, статуса, памяти и социального порядка, а в Новое и Новейшее время ткачество стало важной частью машинной, медийной и цифровой культуры. Делается вывод, что ткачество следует рассматривать как культурную форму, в которой материальное и символическое изначально связаны.

Ключевые слова: ткачество; текстиль; технологии культуры; история культуры; материальная культура; символические формы; социальная память

Для цитирования: Червяков, В. В. (2026), «Ткачество как технология культуры: историко-культурная генеалогия текстиля», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 12(2), 149-163. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-1-4

V. V. Chervyakov

Weaving as a technology of culture: a historical-cultural genealogy
of textiles

P.P. Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University,
42 Lenin St., Lipetsk, 398020, Russia;
chervyakov.vyacheslav@mail.ru

Abstract: The article is devoted to a philosophical and cultural analysis of weaving as one of the basic technologies of culture. The relevance of the study lies in the need to reconsider the traditional view of weaving as a primarily craft-based and utilitarian

practice. The paper shows that textile practices played a much broader role: they participated in the formation of embodiment, everyday life, ritual boundaries, social distinctions, and symbolic orders. The aim of the article is to reconstruct the historical and cultural genealogy of textiles and to reveal its significance as a structuring medium of culture. The methodological framework combines historical-cultural, comparative-historical, and genealogical approaches, supplemented by a philosophical and cultural interpretation of archaeological, anthropological, and historical materials. It is argued that the origins of weaving should be sought in a broader complex of practices of interlacing, plaiting, twisting, and binding that preceded developed textile production. The article demonstrates that in ancient and medieval societies fabric functioned as a medium of power, status, memory, and social order, while in the modern and contemporary periods weaving became an important part of machine, media, and digital culture. The conclusion is that weaving should be understood as a form of cultural world-making in which the material and the symbolic are originally intertwined.

Keywords: weaving; textiles; technologies of culture; history of culture; material culture; symbolic forms; social memory

For citation: Chervyakov, V. V. (2026), “Weaving as a technology of culture: a historical-cultural genealogy of textiles”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 12(2), 149-163. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-1-4

Введение

В гуманитарном знании ткачество долгое время описывалось преимущественно как ремесленная техника, связанная с производством утилитарных предметов, домашним трудом или историей костюма. Однако подобная оптика оказывается недостаточной, когда предметом анализа становится не отдельное изделие, а сама культурная логика переплетения, через которую организуются телесность, повседневность, символические границы и формы социального взаимодействия. Уже в археологических и антропологических исследованиях последних десятилетий подчеркивается, что текстиль не может рассматриваться как второстепенный материал культуры. Так, И. Гуд отмечает, что археологические текстильные исследования сегодня следует понимать как самостоятельное междисциплинарное поле, позволяющее по-новому реконструировать хозяйственные, символические и социальные структуры прошлого (Good, 2001: 209). В этом смысле история ткачества выводит исследователя за пределы истории техники в пространство истории и теории культуры.

Актуальность такого подхода связана с необходимостью переосмысления статуса «малых» и долгое время недооцененных культурных практик. В современной культурологии возрастает интерес к тем медиумам, которые не только обслуживают социальную жизнь, но и задают ее ритмы, формы видимости и способы различения. Текстиль, на наш взгляд, принадлежит именно к таким медиумам. Он не сводится к вещи среди других вещей, поскольку участвует в формировании границ между сакральным и профанным, частным и публичным, повседневным и ритуальным. Не случайно С. Харрис, анализируя ценность текстильных объектов в древних обществах, пишет, что ценность вещи определяется не ее изолированным свойством, а желанием и теми эффектами, которые она способна породить в социальной среде (Harris, 2017: 681–682). Это замечание позволяет перевести разговор о ткани из плоскости материальной полезности в плоскость культурной действенности.

Проблема исследования состоит в том, что в большинстве историко-культурных реконструкций ткачество по-прежнему интерпретируется либо как сопутствующий элемент

хозяйственного уклада, либо как производная от более «значимых» институтов власти, обмена и религии. Между тем текстильные практики сами участвовали в конституировании этих институтов: они создавали культурные различия, маркировали социальные неравенства и задавали формы кооперации (Basso Rial et al., 2021: 324–325). Поэтому ткачество целесообразно осмыслять как одну из базовых технологий культуры.

Цель статьи состоит в том, чтобы показать ткачество как структурообразующий медиум культуры, проследив, как ранние формы текстиля формировали коллективные навыки, ритуальные смыслы и повседневные практики, а затем стали выполнять функции социального различения, хранения памяти и институциональной организации труда.

Текстиль первобытной культуры: переплетение как форма социального мира

Истоки ткачества целесообразно искать не в моменте появления развитого станка, а в гораздо более широком комплексе практик работы с гибким материалом: скручивании, плетении, завязывании, изготовлении сетей и шнуров. В этом отношении показательно наблюдение Е.А. Цейтлина, что эволюция текстильной техники представляет собой постепенный переход от элементарных способов связывания и переплетения к более сложным формам организации нити и поверхности (Цейтлин, 1940). Такой сдвиг исследовательской оптики принципиален. Он позволяет увидеть, что текстиль возникает раньше собственно ткацкого производства в узком смысле и выступает одной из древнейших форм культурной упорядоченности. Речь идет о тех действиях, посредством которых человек не просто изготавливает полезный предмет, но учится связывать разнородные элементы в устойчивую структуру. Именно поэтому ткачество следует рассматривать как одну из ранних моделей культурного формообразования.

Архаический текстиль связан с особым режимом материального существования культуры. Тканые и плетеные артефакты плохо сохраняются, поэтому археология сталкивается здесь с парадоксом: чем важнее была практика для повседневной жизни, тем слабее ее непосредственная вещественная сохранность. Отсюда необходимость работать с косвенными следами, отпечатками тканей на глине, фрагментами волокон, изображениями одежды, орудиями обработки нити. Эта эпистемологическая ситуация сама по себе показательна. Она свидетельствует, что текстиль принадлежит к тем пластам культуры, которые действуют фундаментально, но остаются частично скрытыми. В этом смысле текстиль предстает не как яркий монумент цивилизации, а как ее глубинная структура.

Ранние формы работы с волокном были тесно связаны с организацией времени и распределением труда внутри общины. Изготовление сетей, веревок, корзин и простейших тканых поверхностей предполагало повторяемость операций, сезонность заготовки сырья, накопление телесной памяти и передачу навыка. Здесь возникает одна из важнейших культурологических характеристик текстильной практики: она требует длительности, ритма и устойчивости жеста.

Архаический текстиль формирует пространство социальной связности (см. рис. 1). Сети, пояса, головные покрытия, плетеные вместилища и тканые покровы относятся к разным классам предметности, но основаны на общей логике переплетения, которая переносится из хозяйственной сферы в телесную, из повседневной – в ритуальную. Поэтому язык «уз», «узлов», «сети» и «ткани» общества укоренен в длительном опыте практического связывания мира.



Рис. 1. Неолитические фрагменты ткани из Робенхаузена, простое полотняное переплетение.

Изображение из архива Британского музея

Fig. 1. Neolithic textile shreds from Wetzikon-Robenhauzen, plain weave.

Image from the British Museum archive

Археологические данные позволяют предполагать, что уже на ранних этапах текстильное производство было сопряжено с символическим различием. Изображения одежды и плетеных элементов на женских фигурках палеолита, а позднее использование ткани в погребальных и ритуальных контекстах показывают, что текстиль рано приобрел статус знака. Он не просто покрывал тело, а делал его культурно читаемым. Через ткань и плетение маркировались возраст, статус, принадлежность к определенной группе, возможно, и ритуальная роль. В этом отношении текстильные практики выступают в качестве ранней технология видимости. Как отмечает Е.А. Шипилова, предметы костюма выступают механизмом социальной маркировки и визуальной фиксации культурных различий (Шипилова, 2015: 83). Поэтому уже архаические формы текстиля можно рассматривать как ранний уровень тех знаковых систем, которые позднее оформятся в устойчивые языки костюма и телесной репрезентации.

Характерно, что подобная функция сохраняется и в тех обществах, где материальные условия и сырьевые базы резко различаются. Исследования текстильного производства в разных регионах показывают, что оно не сводится к локальной технической случайности. Напротив, речь идет о множественных и относительно самостоятельных траекториях развития, где разные виды волокон, экологические условия и формы хозяйства порождают разные «экологии ткачества» (Gleba, 2017: 1205). Это означает, что текстильные практики имеют универсальный культурный статус, хотя их конкретные формы исторически вариативны. Каждая цивилизационная зона разворачивает собственную версию отношения

между сырьем, телом, трудом и символом, но сама логика переплетения сохраняет антропологическую устойчивость.

Таким образом, ткачество в архаической культуре предстает не приложением к хозяйству, а одной из базовых технологий социального мира. Оно формирует длительность, дисциплинирует жест, организует совместность, кодирует телесность и задает ранние формы знаковой дифференциации (Halperin, 2008: 111). Переплетение в этом контексте следует понимать как одну из первичных культурных операций, посредством которых человеческое сообщество вырабатывает формы устойчивости, различия и памяти. Текстильные практики возникают раньше развитых институтов государства и письменности, но уже здесь задают схемы, позднее институционализируемые в экономике, ритуале, праве и эстетике.

Текстиль Древнего мира и Средневековья:

ткань как медиум власти, статуса и социального порядка

Если в архаических сообществах ткачество формировало прежде всего устойчивые режимы повседневности, ритуала и коллективного навыка, то в эпоху первых цивилизаций его культурный статус заметно меняется. Ткань начинает функционировать как инструмент институционального различия. Она включается в хозяйственные реестры, перераспределительные системы, придворные церемонии и религиозные практики. Иными словами, текстильные практики входят в состав ранней политической рациональности. Именно в этот период ткань становится особой поверхностью власти, на которой фиксируются статус, долг, сакральная дистанция и принадлежность к тому или иному порядку (Weiner, Schneider, 1989: 1–3).

Особенно отчетливо эта трансформация прослеживается в раннегосударственных обществах Ближнего Востока. В хозяйственных текстах храмов и дворцов ткань фигурирует уже как нормируемый ресурс, включенный в системы учета, обмена и снабжения. Как показывает М. Ливерани, в хозяйствах урукского и последующих периодов шерсть и изделия из нее становятся одним из ключевых элементов распределительной экономики наряду с зерном (Liverani, 2014: 102–104). Кроме того, на материале Сирии римского периода Е. Альхатиб и П.М. Кольцов демонстрируют, что текстильное ремесло выступало не только частью локального хозяйства, но и значимым элементом более широких торговых и культурных связей региона (Альхатиб, Кольцов, 2016). Все это имеет более широкий культурологический смысл, чем может показаться на первый взгляд. Когда ткань входит в язык административного исчисления, она перестает быть просто вещью и становится формой управления временем, трудом и телами. За единицами учета скрывается новая структура социальности, в которой производство полотна уже соотнесено с календарем работ, распределением обязанностей и иерархией доступа к ресурсам.

В этой перспективе особенно важно, что ткацкие практики в древних обществах нередко были связаны с крупными женскими трудовыми коллективами. Речь идет не просто о «женском ремесле» в бытовом смысле, а о систематически организованной сфере производства, встроенной в политэкономия раннего государства. Э. Барбер подчеркивает, что в древнем мире изготовителями текстиля «практически всегда были женщины» (Barber, 1991: 21), однако это наблюдение требует культурологического уточнения. Женский труд здесь структурирован, он помещен в зону, где формируются базовые механизмы воспроизводства социальной жизни. Именно поэтому ткачество оказывается сопряжено не только с домашней сферой, но и с языком сакрального покровительства, мифологической санкции и культурной нормы. В античной традиции этот смысл позднее кристаллизуется в фигурах Афины и Арахны, где власть над нитью предстает одновременно властью над формой, мастерством и пределами допустимого.

Египетский материал выявляет другую, но столь же важную сторону древнего текстиля. Здесь ткань включена в режим сакрального отделения. Льняные покровы, погребальные

пелены, храмовые завесы и ритуальные облачения функционируют как средства символической демаркации, отделяя священное от профанного и упорядочивая отношения между видимым и сокрытым (см. рис. 2). Как показывает А. Лукас, в Древнем Египте обработка льна, изготовление тканей, отбеливание, окрашивание и использование полотен в погребальных и культовых практиках составляли устойчивый комплекс ремесленных и ритуальных действий (Лукас, 1958). В этом отношении текстиль выступает как своеобразный медиум «ритуальной онтологии». Он маркирует дистанцию, оформляет присутствие и придает предмету или телу особый статус. Смысл ткани в этой бытийной модальности заключается здесь не в том, что она скрывает вещь, а в том, что она переводит ее в иной режим значимости. Соответственно, текстиль выступает инструментом выделения сакрального слоя реальности.



Рис. 2. Древнеегипетский текстильный фрагмент XIX династии (1292–1190 до н. э.) из собрания К. Хьюитта, Смитсоновский музей дизайна Купер Хьюитт, инв. № 1915-24-1-b
Fig. 2. Egyptian textile fragment of the 19th Dynasty (1292–1190 BC) from the Cooper Hewitt, Smithsonian Design Museum, accession no. 1915-24-1-b

Античный мир вносит в эту историю новый принцип. Как показывает А.Г. Букина, ткань в античной Греции следует рассматривать как важную часть символического и социального

мира полиса, где свойства материи, цвет, способ изготовления и контекст использования были культурно нагружены (Букина, 2008). Кроме того, ткань начинает активно работать как форма публичной видимости и юридически кодированного различия. Особенно показателен в этом отношении феномен пурпура. Так, в римской культуре цвет оказывается не приложением к статусу, а одной из его зримых форм. Плиний Старший называет пурпур «первейшей славой» одежды, и эта характеристика симптоматична. В ней выражено понимание ткани как носителя социального ранга. Цвет, фактура, ширина полос, орнамент и качество материала становятся частью политической семиотики. Как показывает Р. Финлей, во многих исторических обществах право на определенные цвета принадлежало только элите, а запреты на их ношение выполняли функцию закрепления социальной иерархии (Finlay, 2007: 397–409).

С античностью связано и другое важное изменение. Ткань постепенно превращается в поверхность, способную не только обозначать статус, но и нести повествование. Развитие гобеленовых техник, сложных кайм, медальонов, бордюров и карточного ткачества означает, что текстильная поверхность начинает функционировать как носитель знаков, сюжетов и культурной памяти (см. рис. 3). Орнамент уже не сводится к украшению: он кодирует принадлежность, сообщает о ранге, иногда воспроизводит мифологические и религиозные мотивы. М.В. Терехова подчеркивает, что костюмный и текстильный ряд способны аккумулировать многослойную информацию о времени, сообществе и ценностной иерархии, функционируя как особая форма культурного письма (Терехова, 2016: 63–64). Сходную перспективу задает и интерпретация русского традиционного ткачества через категорию «орнаментального текста», семиотическая организация которого соотносится с культурной динамикой, описанной Ю.М. Лотманом (Червяков, Беляев, 2025: 350–352).



Рис. 3. Позднеантичное панно «Триумф Диониса» (IV–VI вв.), шерсть и лен, шпалерное ткачество. Метрополитен-музей, инв. № 90.5.873

Fig. 3. Panel with the Triumph of Dionysos (4th–6th century), wool and linen, tapestry weave. The Metropolitan Museum of Art, object no. 90.5.873

Сходный процесс, хотя и на иной сырьевой и политической основе, разворачивается в древневосточных обществах. В китайской традиции шелк рано получает статус не просто ценного материала, но и одного из универсальных эквивалентов социального обмена. Исследования экономической истории Китая показывают, что шелк и холстина использовались в платежах и могли приниматься государством в качестве формы налогообложения (Von Glahn, 2016: 41–43). Подобная практика принципиальна, поскольку означает, что ткань становится формой абстракции. Иными словами, текстиль приобретает квази-денежную функцию и тем самым входит в те механизмы, посредством которых государство удерживает свою власть. В таком контексте шелк оказывается материалом, где соединяются эстетика, экономическая эквивалентность и административное признание.

Переход к Средневековью не отменяет этих функций, а перераспределяет их между новыми центрами силы. Византия, исламский мир и латинская Европа наследуют древние текстильные логики, но встраивают их в иной политико-религиозный контур. Особенно выразительна византийская модель, где шелк находится под прямым государственным надзором. К примеру, «Книга епарха» показывает, что оборот шелка рассматривается как стратегическая область городской экономики, с которой связаны церемония, дипломатия и престиж власти. Это важный поворот. Ткань здесь уже не просто циркулирует внутри социальной системы, а охраняется как ресурс политической стабильности. В результате текстильные техники оказываются встроены в саму логику имперского управления.

В исламском мире ткань приобретает еще более явную функцию символического посредничества. Практика пожалования хила'а, то есть «одежды чести», превращает текстиль в язык социально-властного признания. Даруемая одежда не просто отмечает милость правителя, а заново конституирует положение получателя в иерархии. Аналогичную функцию выполняют и *ḥiğāz*-ленты с надписями, в которых письмо буквально вплетается в ткань. В таком случае текстиль становится пространством соединения тела, власти и текста. Сам факт ношения определенной ткани уже означает включенность в особый режим легитимности. Поэтому средневековую ткань уместно понимать как материальный носитель политической грамматики, где узор, надпись и вещь работают совместно.

Западноевропейское Средневековье вырабатывает собственную версию этой логики, переводя ткачество из преимущественно домашней сферы в пространство городского ремесла, цеховой регуляции и технологического ускорения. Как показывает Дж.Х. Манро, одним из ранних промышленных применений водяной силы стало валяние сукон, что радикально изменило масштабы и темп текстильного производства (Munro, 2003: 188). Этот сдвиг имел не только экономические последствия. Он трансформировал культурную топологию труда. Ткацкое дело все более закрепляется за городской мастерской, включается в систему профессиональной специализации, контроля качества и регламентации. Возникает иной режим телесности производства: меняется рабочая поза, распределяются функции, возрастает дисциплинарная зависимость от технологической последовательности. Иначе говоря, сама техника начинает перестраивать антропологию труда.

Однако средневековый текстиль был важен не только для городской экономики. Он оставался и одним из основных носителей священной репрезентации. Вышивки *opus anglicanum*, церковные покровы, облачения, алтарные ткани и реликварные обертки образуют особую форму текстильной иконоки (см. рис. 4). Здесь ткань не изображает сакральное извне, а участвует в его осуществлении. Она становится частью литургического пространства, в котором зримость и святость должны быть организованы в соответствии с определенной иерархией. Именно поэтому средневековая ткань столь часто соединяет драгоценный материал, цветовую символику, письменные элементы и орнаментальные структуры.



Рис. 4. Средневековая текстильная иконика: а – Сионский плащ. Англия, ок. 1310–1320. Вышивка *opus anglicanum*. Музей Виктории и Альберта, Лондон, инв. № 83-1864; б – Алтарный покров. Британия, XV–XVI вв. Бархат, металлическая нить. Метрополитен-музей, Нью-Йорк, инв. № 06.1199.3

Fig. 4. Medieval textile iconicity: a – *The Syon Cope*. England, ca. 1310–1320. *Opus anglicanum* embroidery. Victoria and Albert Museum, London, inv. no. 83-1864; б – *Altar Frontal Textile*. Britain, 15th–16th century. Velvet, metal thread. The Metropolitan Museum of Art, New York, inv. no. 06.1199.3.

В то же время текстиль в Средневековье способен выступать и как носитель исторической памяти. Наиболее известным примером остается Байеский гобелен, где ткань выполняет функцию хроники, соединяя изображение и надпись в единый повествовательный контур (рис. 5). Для культурологического анализа здесь важно не только содержание сюжета, но и сам принцип медиации. История фиксируется не в кодексе и не в монументе, а в ткани. Это значит, что текстиль окончательно выходит за пределы утилитарности и становится полноправным медиумом культурной памяти. Он способен удерживать событие и организовывать его интерпретацию.



Рис. 5. Байеский гобелен (фрагмент). XI в. Шерстяная вышивка по льняному полотну.

Муниципальная библиотека г. Байё, Франция.

Fig. 5. The Bayeux Tapestry (detail). 11th century. Wool embroidery on linen. Municipal Library of Bayeux, France.

Таким образом, в эпоху первых цивилизаций и в Средневековье ткачество переходит от режима общинной повседневности к режиму социальной институционализации. Ткань включается в хозяйственный учет, сакральные практики, статусное различие и механизмы политического признания, становясь одной из технологий культурного порядка. Поэтому в данном историческом контексте она должна рассматриваться не как простое ремесло, а как медиум власти, памяти и легитимности.

Ткачество в Новое и Новейшее время: от ремесленного текстиля к машинной и цифровой культуре

Переход к Новому времени меняет положение ткачества в культуре значительно глубже, чем это обычно фиксируется в экономической истории. Теперь ткань оказывается в центре процессов, связанных с ускорением обмена, ростом рынков, колониальной экспансией и формированием новой дисциплины труда. Волокна, красители, орнаментальные мотивы и готовые изделия начинают циркулировать между регионами с невиданной ранее интенсивностью, а «текстильная система» все явственнее становится моделью управляемого, масштабируемого и стандартизируемого производства.

Настоящий перелом наступает в эпоху индустриализации, когда ткачество становится одной из центральных площадок формирования машинной современности. Текстильное производство дает ранний и наглядный пример того, как техника начинает не просто помогать человеческому действию, а переписывать его ритм, масштаб и внутреннюю организацию: то, что раньше требовало длительной телесной вовлеченности и координации рук и глаз, частично переводится в режим механически воспроизводимой последовательности. В результате ткань все больше выступает как продукт технической системы.

Этот сдвиг означает не только рост производительности, но и преобразование антропологии труда. Если в ремесленной мастерской тело мастера оставалось носителем знания, то на фабрике знание отчуждается от отдельного работника и встраивается в машину, организацию пространства, режим надзора и техническую последовательность операций. Именно поэтому текстильная фабрика становится лабораторией дисциплинарной культуры, где отрабатываются синхронизация, контроль времени, стандартизация качества и разделение функций.

Здесь же обнаруживается и другой важный сдвиг. Индустриальное ткачество не уничтожает знаковую природу ткани, но радикально меняет способы ее семиотизации. В условиях механического производства орнамент, фактура и цвет начинают функционировать в связке с рыночной дифференциацией, модой и культурой потребления. Если ранее ткань в первую очередь закрепляла уже существующие социальные различия, то в Новое и Новейшее время она все активнее участвует в их подвижной переработке. Через одежду, интерьерный текстиль, обивку и декоративные поверхности общество теперь проектирует новые режимы вкуса, идентичности и подражания. Вместе с тем этот процесс не означает простого разрыва с предшествующими художественными кодами. Даже в ситуации стилевого обновления орнамент сохраняет способность выступать пространством сложного культурного синтеза, где традиционный мотив не исчезает, а получает новую композиционную и смысловую организацию. Поэтому современный текстиль должен пониматься не только как продукт стандартизации, но и как поле активной переработки культурной памяти.

Особое значение в этой связи имеет взаимосвязь текстиля и медийности. Уже в XIX веке ткань начинает существовать в пространстве каталогов, рекламных изображений, выставок, образцовых коллекций, журналов мод. Она все чаще воспринимается не только тактильно, но и визуально, через репрезентацию. Тем самым меняется сам режим ее культурного присутствия. Ткань уже не обязательно должна быть непосредственно пережита как материал, чтобы стать объектом желания, оценки или символического выбора. Ее образ отделяется от ее фактуры и начинает циркулировать в медиальной среде. Этот процесс становится особенно интенсивным в XX веке, когда визуальная культура, дизайн и реклама окончательно связывают ткань с индустрией образов.

На этом фоне интересен парадокс современного текстиля. С одной стороны, машинное производство обесценивает уникальность единичного изделия и подчиняет ткань логике массового выпуска. С другой стороны, именно эта же система порождает встречное

стремление к ремесленному, авторскому, локальному, тактильно подлинному. Поэтому история ткачества Новейшего времени не сводится к прямой победе машины над ручным трудом. Скорее, она разворачивается как напряженный диалог между серийностью и уникальностью, между стандартом и фактурной неповторимостью, между техническим ускорением и культурной памятью материала. Для российской культурной ситуации этот парадокс особенно заметен в судьбе ручного ткачества XX века. Л.Б. Семизорова показывает, что даже в советский период ручные текстильные практики не исчезают под давлением индустриальных форм, а сохраняются как носители локальной эстетики, навыка и культурной преемственности (Семизорова, 2008: 350–351).

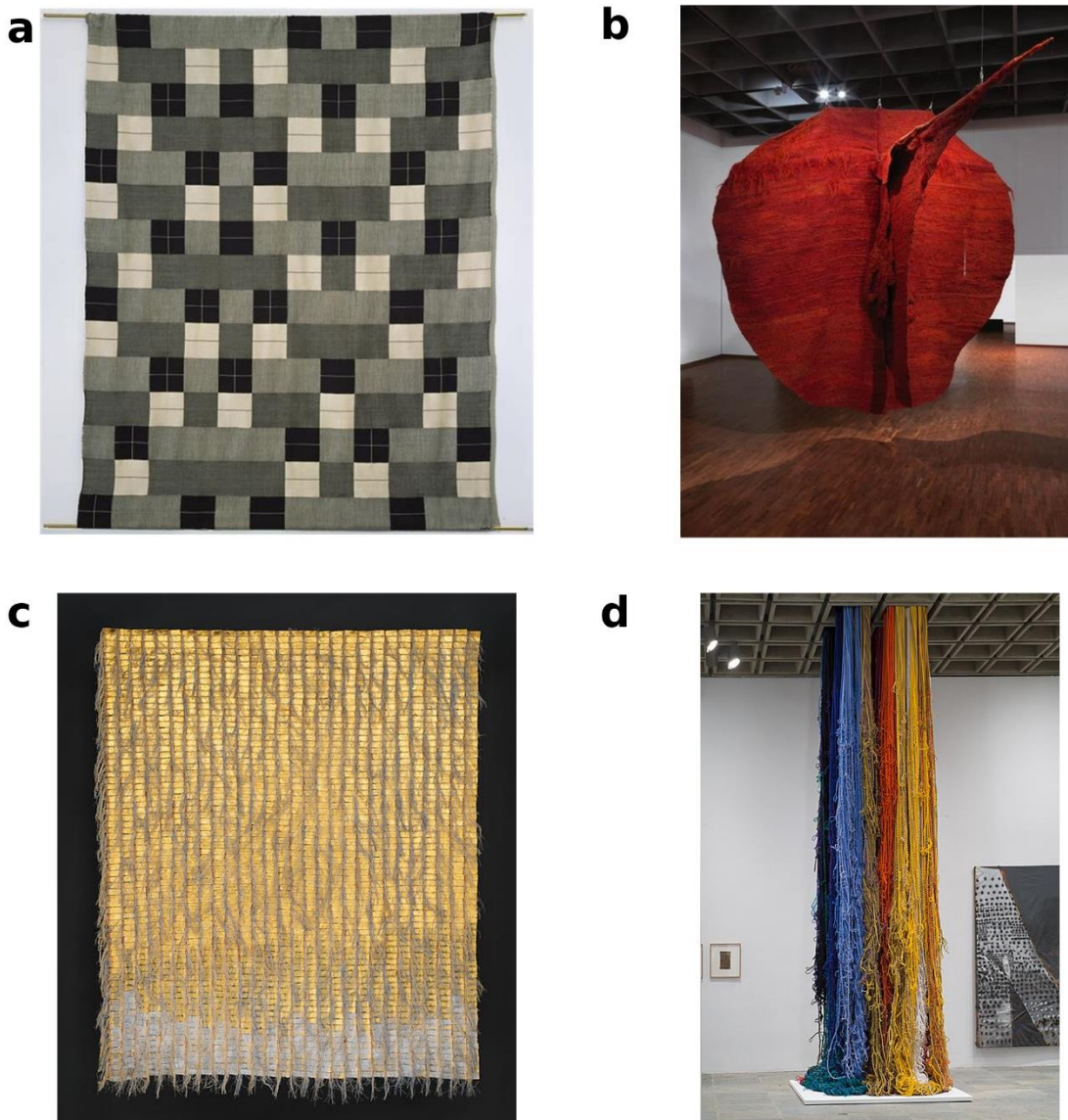


Рис. 6. Текстиль как самостоятельный художественный медиум мышления: а) Анни Альберс. Настенное панно. Проект 1927 г., исполнение данного экземпляра – 1964 г.; б) Магдалена Абаканович. Красный абакан. 1969 г.; в) Ольга де Амараль. Алхимия 13. 1984 г.; д) Шейла Хикс. Столп вопрошания / Податливая колонна. 2013–2014 гг.

Fig. 6. Textile as an autonomous medium of artistic thinking: a) Anni Albers. Wall Hanging. Design, 1927; this version executed in 1964; b) Magdalena Abakanowicz. Abakan Red. 1969; c) Olga de Amaral. Alchemy 13. 1984; d) Sheila Hicks. Pillar of Inquiry / Supple Column. 2013–2014.

Во второй половине XX и в XXI веке это напряжение получает новое развитие. Текстиль выходит за рамки традиционного противопоставления ремесла и фабрики, поскольку включается в поля современного искусства, дизайна, экологической этики и цифровых технологий. Художественный текстиль, fiber art, авторское ткачество, текстильные инсталляции возвращают ткани статус самостоятельного медиума мышления (см. рис. 6). В этих практиках важен уже не только результат, но и сам способ работы с переплетением как формой памяти, телесности и сопротивления ускоренной культуре. Нить здесь может выступать как след времени, как способ фиксации травмы, как форма фрагментарного повествования, как жест собирания разрушенного опыта.

В российском искусствоведческом и культурологическом дискурсе современный текстиль также описывается как медиум, выходящий за пределы декоративной функции. Так, Н.Ю. Митрофанова связывает его с пространством концептуального высказывания, пластического эксперимента и авторской рефлексии (Митрофанова, 2019: 184–186). Тем самым ткань предстает уже не столько материалом оформления, сколько самостоятельным носителем художественного мышления.

Одновременно цифровое проектирование, автоматизированное ткачество, алгоритмическое создание узоров, «умные ткани» и сенсорные материалы расширяют само понятие текстиля. Переплетение начинает пониматься как программируемая структура, в которой сочетаются материальность, вычисление и интерактивность. Это позволяет увидеть, что современная культура, несмотря на процессы виртуализации, не освобождается от фундаментальной логики связывания: сетевые структуры, гибридные интерфейсы, носимые технологии и экологически ориентированный дизайн по-прежнему работают с идеей соединения разнородного в устойчивую конфигурацию.

Заключение

Проведенный анализ позволяет рассматривать ткачество как одну из базовых культурных форм, через которые человеческие сообщества организуют мир. Его историческая устойчивость связана с тем, что оно принадлежит не только сфере вещи, но и сфере отношения: ткань возникает из упорядоченного соединения разнородных элементов и потому уже в своей структуре содержит принцип связывания, повторения и оформления. Благодаря этому текстильные практики позволяют увидеть культуру в ее процессуальности – как форму, не отделенную от жеста, труда, ритма и материала.

В таком ракурсе история ткачества предстает частью более широкой истории формообразующих практик, в которых закрепляются способы человеческого присутствия в мире. Ткачество соединяет телесную память, социальную координацию, техническое воображение и знаковую организацию среды, показывая, что материальное и символическое изначально формируются совместно. Поэтому философско-культурологический анализ ткачества выводит к общему тезису: культура может быть понята как процесс постоянного связывания и переоформления человеческого мира, а ткань – как один из наиболее зримых исторических принципов этого процесса.

Литература

Альхатиб, Е. и Кольцов, П. М. (2016), «Текстильное ремесло Сирии в римский период в I–III вв.», *Вестник Калмыцкого университета*, 2, 6–11.

Букина, А. Г. (2008), «Сиреневые овцы, или Слово о тканях античной Греции», *Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств*, 177, 28–34. EDN: YSLVYK

Лукас, А. (1958), *Материалы и ремесленные производства Древнего Египта*, пер. с англ. Савченко, Б. Н., Авдиев, В. И. (ред.), Изд-во иностранной литературы, Москва.

Митрофанова, Н. Ю. (2019), «Современное текстильное искусство в поисках новых форм, смыслов и средств выразительности», *Вестник Академии Русского балета им. А. Я. Вагановой*, 1, 176–190. EDN: XCBTXJ

- Семизорова, Л. Б. (2008), «Особенности ручного ткачества советского периода второй половины XX в.», *Вестник Башкирского университета*, 13(2), 350–352. EDN: JVMOIF
- Терехова, М. В. (2016), «Костюм как текст и язык культуры», *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств*, 2, 62–64. EDN: WBLVER
- Цейтлин, Е. А. (1940), *Очерки истории текстильной техники*, Гизлегпром, Москва, Ленинград.
- Червяков, В. В. и Беляев, Д. А. (2025), «Семиотика орнаментального текста: русское традиционное ткачество в свете культурной динамики Ю. М. Лотмана», *Общество: философия, история, культура*, 10, 350–356. DOI: 10.24158/fik.2025.10.46
- Шипилова, Е. А. (2015), «Современный подход к изучению костюма как культурного кода», *Аналитика культурологии*, 1, 79–85. EDN: TYVZTL
- Barber, E. W. (1991), *Prehistoric Textiles: The Development of Cloth in the Neolithic and Bronze Ages with Special Reference to the Aegean*, Princeton University Press, Princeton, NJ, USA.
- Basso Rial, R. E., Jover Maestre, F. J. and López Padilla, J. A. (2021), “An Undervalued Archaeological Resource: Social Aspects of Bronze Age Textile Production in the Eastern Iberian Peninsula”, *European Journal of Archaeology*, 24(3), 324–344. DOI: 10.1017/ea.2021.15
- Finlay, R. (2007) “Weaving the Rainbow: Visions of Color in World History”, *Journal of World History*, 18(4), 383–431. DOI: 10.1353/jwh.2008.0001
- Glahn, R. von (2016), *The Economic History of China: From Antiquity to the Nineteenth Century*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Gleba, M. (2017), “Tracing Textile Cultures of Italy and Greece in the Early First Millennium BC”, *Antiquity*, 91(359), 1205–1222. DOI: 10.15184/aqy.2017.144
- Good, I. (2001), “Archaeological Textiles: A Review of Current Research”, *Annual Review of Anthropology*, 30, 209–226. DOI: 10.1146/annurev.anthro.30.1.209
- Halperin, C. T. (2008) “Classic Maya Textile Production: Insights from Motul de San José, Petén, Guatemala”, *Ancient Mesoamerica*, 19(1), 111–125. DOI: 10.1017/S0956536108000230
- Harris, S. (2017), “From Value to Desirability: The Allure of Worldly Things”, *World Archaeology*, 49(5), 681–699. DOI: 10.1080/00438243.2017.1413416
- Liverani, M. (2014), *The Ancient Near East: History, Society and Economy*, Routledge, London, UK and New York, NY, USA.
- Munro, J. H. (2003), “Medieval Woollens: Textiles, Textile Technology, and Industrial Organisation, c. 800–1500”, in Jenkins, D. (ed.), *The Cambridge History of Western Textiles*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, Vol. 1, 181–227.
- Weiner, A. B. and Schneider, J. (eds.) (1989), *Cloth and Human Experience*, Smithsonian Institution Press, Washington, DC, USA and London, UK.

References

- Alkhatib, E. and Koltsov, P. M. (2016), “Textile graft flourishing in Syria in the Roman Period in I-III A.D.”, *Vestnik Kalmytskogo universiteta* [Bulletin of Kalmyk University], 2, 6–11 (in Russ.).
- Barber, E. W. (1991), *Prehistoric Textiles: The Development of Cloth in the Neolithic and Bronze Ages with Special Reference to the Aegean*, Princeton University Press, Princeton, NJ, USA.
- Basso Rial, R. E., Jover Maestre, F. J. and López Padilla, J. A. (2021), “An Undervalued Archaeological Resource: Social Aspects of Bronze Age Textile Production in the Eastern Iberian Peninsula”, *European Journal of Archaeology*, 24(3), 324–344. DOI: 10.1017/ea.2021.15
- Bukina, A. G. (2008), “Lilac sheep, or a word about the fabrics of ancient Greece”, *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv* [Works of the St. Petersburg State University of Culture and Arts], 177, 28–34. (in Russ.). EDN: YSLVYK
- Chervyakov, V. V. and Belyaev, D. A. (2025), “Semiotics of the ornamental text: Russian traditional weaving in the light of Yu. M. Lotman’s cultural dynamics”, *Society: Philosophy, History, Culture*, 10, 350–356 (in Russ.). DOI: 10.24158/fik.2025.10.46
- Finlay, R. (2007) “Weaving the Rainbow: Visions of Color in World History”, *Journal of World History*, 18 (4), 383–431. DOI: 10.1353/jwh.2008.0001
- Glahn, R. von (2016), *The Economic History of China: From Antiquity to the Nineteenth Century*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

- Gleba, M. (2017), “Tracing Textile Cultures of Italy and Greece in the Early First Millennium BC”, *Antiquity*, 91 (359), 1205–1222. DOI: 10.15184/aqy.2017.144
- Good, I. (2001), “Archaeological Textiles: A Review of Current Research”, *Annual Review of Anthropology*, 30, 209–226. DOI: 10.1146/annurev.anthro.30.1.209
- Halperin, C. T. (2008) “Classic Maya Textile Production: Insights from Motul de San José, Petén, Guatemala”, *Ancient Mesoamerica*, 19 (1), 111–125. DOI: 10.1017/S0956536108000230
- Harris, S. (2017), “From Value to Desirability: The Allure of Worldly Things”, *World Archaeology*, 49 (5), 681–699. DOI: 10.1080/00438243.2017.1413416
- Liverani, M. (2014), *The Ancient Near East: History, Society and Economy*, Routledge, London, UK and New York, NY, USA.
- Lucas, A. (1958), *Materialy i remeslennye proizvodstva Drevnego Egipta* [Ancient Egyptian Materials and Industries], translated by Savchenko, B. N., Avdiev, V. I. (ed.), Izdatelstvo inostrannoy literatury, Moscow, USSR (in Russ.).
- Mitrofanova, N. Yu. (2019), “Modern textile art in a search for new forms, meanings and means of expressions”, *Vestnik Akademii Russkogo baleta im. A. Ya. Vaganovoy* [Bulletin of the Academy of Russian Ballet named after A. Ya. Vaganova], 1, 176–190 (in Russ.). EDN: XCBTXJ
- Munro, J. H. (2003), “Medieval Woollens: Textiles, Textile Technology, and Industrial Organisation, c. 800–1500”, in Jenkins, D. (ed.), *The Cambridge History of Western Textiles*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, Vol. 1, 181–227.
- Semizorova, L. B. (2008), “Peculiarities of hand weaver in the Soviet period of the 2nd part of the 20th century”, *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of the Bashkir University], 13(2), 350–352 (in Russ.). EDN: JVMOIF
- Shipilova, E. A. (2015), “A contemporary approach to the study of costume as a cultural code”, *Analitika kulturologii* [Cultural studies analytics], 1, 79–85 (in Russ.). EDN: TYVZTL
- Terekhova, M. V. (2016), “Costume as a text and language of culture”, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv* [Bulletin of Saint Petersburg State University of Culture and Arts], 2, 62–64 (in Russ.). EDN: WBLVEP
- Tseitlin, E. A. (1940), *Ocherki istorii tekstilnoy tekhniki* [Essays on the History of Textile Technology], Gizlegprom, Moscow, Leningrad, USSR (in Russ.).
- Weiner, A. B. and Schneider, J. (eds) (1989), *Cloth and Human Experience*, Smithsonian Institution Press, Washington, DC, USA and London, UK.

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Червяков Вячеслав Викторович, аспирант кафедры философии, политологии и теологии, Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, ул. Ленина, д. 42, г. Липецк, 398020, Россия; chervyakov.vyacheslav@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Vyacheslav V. Chervyakov, Postgraduate Student, Department of Philosophy, Political Science and Theology, P.P. Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University, 42 Lenin St., Lipetsk, 398020, Russia; chervyakov.vyacheslav@mail.ru